

Владимир Иванович Даль

**Толковый словарь живого великорусского
языка**

Том 1. А-З.

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимир Иванович Даль**
Толковый словарь живого великорусского языка: Том 1. А-З. / Владимир Иванович Даль – М.: Книга по Требованию, 2019. – 810 с.

ISBN 978-5-458-12079-1

ISBN 978-5-458-12079-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

давнiе примѣры, и прошу указать мнѣ, на какомъ другомъ языкѣ писатель, зная въ такомъ размѣрѣ языкъ свой, осмѣлится взяться за перо? Въ романѣ *Путеводитель въ пустынь*, по-русски *степной вожакъ*, есть прозвище *Открыватель слѣдовъ*, и это такой же выродокъ грамотейства, какъ самое заглавiе, грамотейства, которое становится на ходули, или по крайности подбочивается, взявшись за перо: англiйское *pathfinder* въ точности переводится русскимъ *выслѣдчикъ*; но, во первыхъ, въ словаряхъ нашихъ нѣтъ ни *выслѣдчика*, ни даже глагола *выслѣживать*, *выслѣдить*; во вторыхъ, англiйское составлено изъ двухъ словъ, стало быть и намъ надо, бросивъ свое слово или даже и не ища его, сковать новое, изъ двухъ же, а затѣмъ, указывая на уродливое дѣтище свое, попенять на неуклюжесть рускаго языка! Два русскихъ профессора озаглавили книгу свою: *Обыденная жизнь*, вмѣсто *обиходная*; *обыденная* значитъ: суточная, однодневная, откуда и церкви, срубленные по обѣту въ одинъ день, общемою помощью, называются *обыденными* (въ Москвѣ, въ Вологдѣ); *обыденки*—сутки, день, и обыденками же зовутъ мухъ или мотыльковъ, живущихъ несобольшимъ сутки, эфемеры *).

Но что объ этомъ широко толковать — эти примѣры вспали мнѣ на умъ; не стоить рыться за ними и терять попусту дорогое время, а можно бы найти не сотни, а тысячи подобныхъ. Что же выйдетъ изъ речи нашей, если мы пойдемъ зря и безъ оглядки этимъ путемъ? — не понимая ни русской речи, ни другъ друга, мы станемъ людьми безъ речей, безсловесными, или же поневолѣ будемъ объясняться по-французски. Рѣшите, что это хорошо, и продолжайте.

Но лучше не станемъ оправдываться въ поголовномъ грѣхѣ своемъ — у насъ же пришла нынѣ пора покаянiя, — а скажемъ просто и прямо, какъ дѣло есть, что пишемъ такъ, какъ пишется, не потому, чтобы это было хорошо, полезно и красиво, а что такъ, видно, было намъ доселѣ на роду написано; въ молодости негдѣ и некогда было научиться по-русски, а возмужавъ, намъ стало и лѣнь, и опять таки негдѣ и некогда. Да, за недосугомъ, когда нибудь безъ покаянiя умрешь!

Но съ языкомъ, съ человѣческимъ словомъ, съ речью, безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человѣка, это видимая, осязаемая связь, союзное звено между тѣломъ и духомъ: безъ словъ нѣтъ сознательной мысли, а есть развѣ одно только чувство и мычанье. Духъ не можетъ быть пороченъ, въ малоумномъ та же душа — ума много, да вонъ нейдетъ; отчего? Вещественные снаряды служатъ ему превратно, они искажены; духъ ими пригнетенъ, онъ подъ спудомъ, а безъ вещественныхъ средствъ этихъ, въ вещественномъ мiрѣ, духъ ничего сдѣлать не можетъ, не можетъ даже проявиться.

Какой ученый нѣмецъ повѣрилъ бы, лѣтъ за двѣсти, что языкъ его, развѣ за малыми изытiями, вовсе не нуждается въ латини съ нѣмецкимъ окончанiемъ? А между тѣмъ, дѣло обошлось, благодаря отрезвившихся отъ мороки дѣлателей; истина устояла, а ложь погибла. Передъ нами же и другой, обратный примѣръ: у сосѣдей нашихъ, братьевъ одного корня, славянскiй языкъ слился съ западными языками и образовалъ новый языкъ, обильный принятыми въ себя источниками; но отъ этого наслiя его обдало мертвизною, и онъ окоснѣлъ, что ярко выразилось утратою имъ своего слогаударенiя, которое разъ навсегда замерло на предпоследней гласной.

Не знаю, насколько мнѣ надеждаюсь удастся убѣдить въ истинахъ этихъ читателя, но знаю, что онѣ укрѣпились во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ созна-

*) Искренне прошу извиненiя у писателей, всеми уважаемыхъ, но заставившихъ меня указать на эти примѣры. Примѣры нужны, а они вдвое убѣдительнѣе, коли относятся до лицъ извѣстныхъ; лично ихъ, право, винить нельзя. все мы въ одинаковомъ положенiи — такъ наша печь печетъ!

тельно жить; иначе, конечно, не стало бы меня на то, чтобы отдать полжизни некорыстному труду, коего конца я никогда не чаялъ увидѣть...

И вотъ съ какою цѣлью, въ какомъ духѣ составленъ мой словарь: писалъ его не учитель, не наставникъ, не тотъ, кто знаетъ дѣло лучше другихъ, а кто болѣе многихъ надъ нимъ трудился; ученикъ, собиравшій весь вѣкъ свой по крупницѣ то, что слышалъ отъ учителя своего, *живаго рускаго языка*. Много еще надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего роднаго слова, привести ихъ въ стройный порядокъ и поставить полный, хорошій словарь; но безъ подносчиковъ палаты не строятся; надо приложить много рукъ, а работа черна, невидная, некорыстная...

Съ той поры, какъ составитель этого словаря себя помнитъ, его тревожила и смущала несообразность письменнаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотействомъ, а стало быть и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое-то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говорить книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый, — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсь, по вѣзмъ предлагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи въ силахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно.

Жадно хватая налету родныя речи, слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, этотъ записывалъ ихъ, безъ всякой иной цѣли и намѣренья, какъ для памяти, для изученья языка, потому что они ему нравились. Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого нибудь сорвалось съ языка — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ либо замѣчательное слово — а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское! Прошло много лѣтъ, и записки эти выросли до такого объема, что, при бродячей жизни, стали угрожать требованьемъ особой для себя подводки *). Пришлось призадуматься надъ ними, и рѣшить, хламъ ли это, съ которымъ надо развязаться, сваливъ его въ первую сорную яму, или хламъ этотъ рядъ-дѣлу и съ добрымъ притворомъ пойдетъ въ квашню, и дастъ хлѣбы, и насытитъ?

Просмотрѣвъ запасы свои, собиратель убѣдился, что въ громадѣ сору накопилось много хлѣбныхъ крупницъ, которыя, по рускому повѣрью, бросать грѣшно.

Началась разборка въ азбучномъ порядкѣ **), и, за отдѣленіемъ небольшого

*) Живо припоминаю пропажу моего вьючнаго верблюда, еще въ походѣ 1829 года, въ восточной суматохѣ, перехода за два до Адрианополя: товарищъ мой горевалъ по любимомъ кларнетѣ своемъ, доставшемся, какъ мы полагали, туркамъ, а я осиротѣлъ, съ утратою своихъ записокъ: о чемоданахъ съ одежей мы мало заботились. Бесѣда съ солдатами всѣхъ мѣстностей широкой Руси доставила мнѣ обильныя записки для изученія языка, и все это погибло. Къ счастью, казаки подхватили гдѣ-то верблюда, съ кларнетомъ и съ записками, и черезъ недѣлю привели его въ Адрианополь. Бывшій при немъ денщикъ мой пропалъ безъ вѣсти.

**) Сдѣлаю при семъ пустую, но важную въ пріемахъ такого дѣла, замѣтку: всѣ подобныя сборники должны писаться черниѣ, въ запискахъ, на одной только страницѣ, покладя другую пробѣломъ; тогда можно въ свое время разстричь ихъ и подобрать въ какомъ угодно порядкѣ, панизывая или приклеивая столбцами. Если объ этомъ не подумать вовремя, то придется переписывать снова покрайней мѣрѣ цѣлую половину запасовъ, что отниметъ много времени и можетъ прибавить нѣсколько ошибокъ и оплошностей.

числа пѣсенъ (переданныхъ П. В. Кирѣевскому) и нѣсколькихъ стопъ сказокъ (отданныхъ Г. Аванасьеву), выбралось на очистку десятка два кипъ въ листъ, относящихся до языка, пословицъ, словъ и оборотовъ речи. Что съ ними дѣлать? обработать и издать въ видѣ запасовъ или прибавленія къ словарямъ — работы много, а толку мало; выйдетъ ли то ни се, да и пригодно развѣ тому только, кто бы самъ сталъ работать словарь; покинуть не обработывая — жаль, сердце не къ тому лежитъ; передать кому нибудь, кто бы смогъ и захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ — такъ нѣтъ въ виду такихъ людей, да и половины краткихъ замѣтокъ моихъ никто безъ меня не пойметъ; хорошо бы приискать товарища, къ которому, вмѣстѣ съ запасами своими, можно было бы примкнуть помощникомъ, и работать вмѣстѣ — но, сколько ни думалъ, и такого человѣка не знаю.

Одинъ изъ бывшихъ министровъ просвѣщенія (кн. Шихматовъ), по дошедшимъ до него слухамъ, предложилъ мнѣ передать академіи запасы свои, по принятой въ то время расцѣнкѣ: по 15 коп. за каждое слово, пропущенное въ словарь академіи, и по 7½ коп. за дополненіе и поправку. Я предложилъ, взамѣнъ этой сдѣлки, другую: отдаться совѣмъ, и съ запасами, и съ посильными трудами своими, въ полное распоряженіе академіи, не требуя и даже не желая ничего, кромѣ необходимаго содержанія; но на это не согласились, а повторили первое предложеніе. Я отправилъ 1000 прибавочныхъ словъ и 1000 дополненій, съ надписью: *тысяча первая*. Мени спросили, много ли ихъ еще въ запасѣ? Я отвѣчалъ, что вѣрно не знаю, но во всякомъ случаѣ десятки тысячъ. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, повидимому, не входила въ расчетъ, и сдѣлка оборвалась на первой тысячѣ.

Что же дальше дѣлать? очевидно, надѣяться на Бога да на себя, и самому приниматься за дѣло; я зашелъ слишкомъ далеко и дѣваться некуда, бросать всѣхъ запасовъ этихъ нельзя.

Собиратель не пугался того, что на дѣло это едва ли станетъ всего остатка жизни его, предоставивъ развѣ навсегда заботу о жизни и смерти провидѣнію; но онъ робѣлъ передъ трудностію задачи, считая ее непосильною для себя, и потому счелъ нужнымъ обсудить и взвѣсить напередъ безпристрастно силы и средства свои, то есть познанія и способности. Оказалось наповѣрку, что первыхъ, для глубокаго, ученаго труда, было недостаточно, и именно не доставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; не доставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть научнаго знанія грамматики, съ которою составитель словаря искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣи примѣнить ее къ нашему языку и чуждался ея, не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманія, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ.

Вотъ чего, по обвиненію его самого, ему не доставало; а нашлось за то, во-первыхъ, большой складъ запасовъ, не вошедшихъ доселѣ въ наши словари; во-вторыхъ, сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ, и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни. Кромѣ сего, разнородность занятій и службы: морскою, военною, врачебною, гражданскою, въ различныхъ частяхъ низшаго управленія, склонность къ наукамъ естественнымъ и ко всѣмъ ремесловымъ рабо-

тамъ, ознакомили его, по языку и по понятіямъ, съ бытомъ разныхъ сословіи и состояній, наукъ и знаній.

Сведя итоги всѣхъ данныхъ, собиратель прибодрился. Всего одному не дано, да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зарывать вмѣстѣ съ собою въ землю. Кому много дано, съ того много и взыщется. Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, которымъ уже легче будетъ дополнить, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ, и указанія на начальныя корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленіемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ, дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь. Передній заднему мостъ.

Итакъ, ограничась тѣми средствами и силами, какія нашлись, и положивъ живой, устный языкъ рускій, а паче народный, въ основу своего труда, собиратель рѣшился приступить къ дѣлу.

Но, полагая народный языкъ въ основу словаря — потому что языкъ этотъ силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ, тогда какъ письменный языкъ нашъ видимо пошлѣетъ, превращаясь въ какую-то прѣсную размазю, — должно было напередъ разсудить, какъ смотрѣть на всѣ мѣстныя наречія или говоры, изъ которыхъ языкъ народный слагается?

По нашему мнѣнію, дѣло это просто и ясно: за исключеніемъ, на югъ и западъ, ближайшаго сосѣдства Малой и Бѣлой Руси, у насъ, на всю ширь Великой Руси, нѣтъ *наречій*, а есть развѣ одни только *говоры*. Говоръ отличается отъ языка и наречія однимъ только отгѣнкомъ произношенія, съ сохраненіемъ нѣсколькихъ словъ старины и съ прибавкою весьма немногихъ, образованныхъ на мѣстѣ, реченій, всегда вѣрныхъ общему духу языка. У насъ вовсе нѣтъ того, что другіе народы зовутъ *жаргономъ*, чему у насъ и нѣтъ даже названія, то есть наречія искаженнаго, картаваго, порожденія племени, принявшаго, по обстоятельствамъ, чужой языкъ и обработавшаго его по своему; у насъ есть нѣчто подобное только у полуобрусѣвшихъ инородцевъ, да и тѣ, особенно чудскія племена, удивительно быстро русѣютъ, и тогда вполне усваиваютъ себѣ духъ нашего языка. Наши мѣстные говоры — законныя дѣти рускаго языка и образованы правильнѣе, вѣрнѣе и краше, чѣмъ нашъ письменный *жаргонъ*. Въ семъ отношеніи мы поставлены въ болѣе счастливое положеніе, чѣмъ западные европейцы, но доселѣ, обойденные дѣшнимъ пристрастіемъ, подражанія и тщеславія, избалованные привозомъ всего готоваго изъ-за моря, мы небрегли своимъ, въ чаяніи, что и готовый, обработанный, развитый языкъ, безъ котораго образованному обществу и жить и быть нельзя, подвезутъ намъ оттуда же, заодно съ винами и чепцами.

Напишите слово, называемое вами областнымъ, какъ мы вообще пишемъ, не поддаваясь подъ говоръ, а какъ оно, по образованію своему, должно писаться, и смѣло ставьте его на свое мѣсто, въ общій великорускій словарь. Изъятій найдется немного и тамъ только, гдѣ какая либо чуждая, побочная стихія внесла искаженія, чему примѣромъ могутъ служить губерніи Пековская и отчасти Тверская; тамъ попадаются передѣлки на польскій или бѣлорускій ладъ и слышна понинѣ *Литва*, какъ въ Новоросійскомъ краѣ всюду отзывается наречіе малорусское. Но и это относится только до нѣсколькихъ словъ, а оборотамъ русской речи можемъ поучиться во всякой мѣстности Руси, во всякой деревушкѣ, во всякой лачугѣ.

Предвидя, что слова эти будутъ перетолкованы, повторю, для людей добронамѣренныхъ, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже всѣ слова

речи этой должны быть внесены въ образованный рускій языкъ; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую рускую речь народа и усвоить ее себѣ, какъ все живое усваиваетъ себѣ добрую пищу и претворяетъ ее въ свою кровь и плоть.

Вотъ почему такъ называемыя областныя слова, нерѣдко общія весьма различнымъ и отдаленнымъ другъ отъ друга говорамъ и мѣстностямъ, вошли въ этотъ словарь, и притомъ, какъ замѣчено было къ-то съ крайнимъ изумленіемъ, нерѣдко рядкомъ съ самыми крутыми французскими словами, кои, въ азбучномъ порядкѣ, пришлись бокъ-о-бокъ съ вятскими и рязанскими. Но не я вводилъ первыя въ печатный языкъ, и не моя воля изгнать ихъ; а куда же я ихъ дѣну, коли не на свое мѣсто, по азбукѣ?

Итакъ, этотъ вопросъ не заставитъ дѣлателя призадуматься: слова, речи и обороты всѣхъ концовъ Великой Руси, для изученія живаго языка, должны войти въ словарь, но не для безусловнаго включенія ихъ въ письменную речь, а для изученія, для знанія и обсужденія ихъ, для изученія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованнаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно принять и включить въ образованный языкъ. Но нашлись другія заботы, другое раздумье, которое рѣшить было не такъ легко и просто: какой видъ придать словарю, какъ его обработать, въ какомъ, изъ принятыхъ для словарей, порядкѣ?

Одноязычные словари доселѣ составлялись двояко: либо всѣ, безъ изъятія, слова подбирались сподрядъ въ азбучномъ порядкѣ, и каждое слово объяснялось по себѣ, будто иныхъ прочихъ и не бывало, либо слова подбирались цѣлыми ватагами подъ однимъ общимъ корнемъ.

Первый способъ крайне тупъ и сухъ. Самыя близкія и сродныя реченія, при законномъ измѣненіи своемъ на второй и третьей буквѣ, разносятся далеко врозь и томятся тутъ и тамъ въ одиночествѣ; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, въ которомъ не менѣе жизни, какъ и въ самомъ человѣкѣ, терпится и коснѣетъ; одни и тѣ же толкованія должны повторяться нѣсколько разъ; читать такой словарь нѣтъ силъ, на десятомъ словѣ умъ притупѣетъ и голова вкружится, потому что умъ нашъ требуетъ во всемъ какой нибудь разумной связи, постепенности и послѣдовательности. Притомъ, на какую потребу идетъ такой словарь? Мертвый списокъ словъ не помощь и не утѣха; одноязычный словарь пишется не для школьниковъ и не для иноземцевъ, и потому развѣ изрѣдка только рускому человѣку могло бы случиться отыскивать ветрѣченное гдѣ либо, неизвѣстное ему, руское слово, и одинъ этотъ, довольно рѣдкій случай, не вознаградитъ бы ни трудовъ составителя, ни даже самой покупки словаря.

Второй способъ, корнесловный, очень труденъ на дѣлѣ, потому что знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произвола не обойдешься; сверхъ сего порядокъ корнесловный, при отысканіи словъ, предполагаетъ въ писателѣ и въ читателѣ не только равныя познанія, но и одинаковый взглядъ и убѣжденія, на счетъ отнесенія слова къ тому либо другому корню. Въ такомъ словарѣ, не только *братъ*, *бранье*, *бирка* и *бирюлька* войдутъ въ одну общую статью, но тутъ же будетъ и *беремя*, и *собиранье*, *выбирать*, *переборъ*, *разборчивый*, *отборный*, и однимъ словомъ, въ каждую статью, подъ общимъ корнемъ, войдетъ чуть ли не вся азбука. Это требуетъ особаго, объемистаго указателя, и заставляетъ отыскивать каждое слово по дважды, а потому и догучаетъ, и утомляетъ. Корнесловный словарь можетъ только повершить рядъ словарей вполне обработаннаго розысками языка, какъ особый ученый трудъ, по

заготовленнымъ запасамъ; но, какъ противоположная азбучному словарю крайность, онъ для обихода также не удобенъ.

Обсудивъ все это и сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ въ томъ и другомъ родѣ, составитель снова обратился къ азбучному порядку, не видя инаго исхода изъ этой раздорожицы. Вѣдь словари на всѣхъ языкахъ составлены же этимъ порядкомъ, стало быть это находятъ удобнымъ.... беру опять такой словарь въ руки, передлистываю его день и другой — но наконецъ, съ тревожнымъ чувствомъ, откладываю его въ сторону. Нѣтъ, такой словарь мнѣ не рука. Какъ я его пушу въ дѣло, какъ вызову изъ него и отрою все сокровища, сокрытыя въ двухъ доскахъ? Найти слово, котораго у меня не хватаетъ, я не могу; просмотрѣть сряду слова, самыя близкія и сродныя, чтобы освоиться съ основнымъ значеніемъ словъ этого корня, отыскать подъ общимъ, родовымъ понятіемъ нужныя мнѣ выраженія, оглянуть законъ и порядокъ словопроизводства, чтобы осмыслить речь свою, — не могу, все раскинуто врозь; однимъ словомъ, это не словарь, а то, что называютъ *вокабулами*, это списокъ, сборникъ словъ, для затверженія наизусть, поднизка словъ, безъ связи и смысла, для крайне ограниченнаго употребленія, и болѣе для иностранца, чѣмъ для рускаго.

Но, взглядываясь въ эти безконечныя столбцы словъ, видишь наконецъ, что съ небольшою перетасовкой и за исключеніемъ малаго числа реченій, примѣшавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, промежъ чужой имъ семьи, всѣ остальные, цѣлыми купами, показываютъ очевидную семейную связь и самое близкое родство; устранивъ понятіе о корняхъ, въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ученые его понимаютъ, никто, на примѣръ, не усомнится, что *стоятъ*, *стойка* и *стояло*, одного гнѣзда птенцы; да сверхъ того, у нихъ и первыя три начальныя буквы однѣ и тѣ же; а между тѣмъ они, по четвертой буквѣ своей, разнесены врозь (Слов. Акад.) на семь печатныхъ столбцовъ! Разматривая эти родственныя отношенія ближе, мы находимъ, что такая связь представляетъ въ нашемъ языкѣ особый и общій законъ, который даетъ намъ неизмѣнныя правила образованія словъ звеньями, цѣпью, гроздами, такъ же точно, какъ мы по общему правилу образуемъ отъ глагола причастія, а отъ нихъ наречія.

Въ самой вещи, не вдаваясь ни въ розыски о корняхъ, ни въ уместованія о томъ, какая часть речи родилась прежде, а какая послѣ, мы видимъ въ языкѣ своемъ слѣдующую, не подлежащую сомнѣнію, связь и сродство словъ.

Глаголь, въ одномъ, въ двухъ или трехъ, а иногда и четырехъ видахъ, съ причастіями своими (прилагательными), наречіями отъ нихъ и существительными на *ость*; тотъ же глаголь, съ окончаніемъ на *ся*; тотъ же глаголь, съ замѣною въ концѣ буквы *и* буквою *ь*; четыре имени (иногда менѣе, изрѣдка болѣе), выражающія дѣйствіе по глаголу, а два изъ нихъ также самый предметъ; отъ одного до пяти прилагательныхъ, удерживающихъ все то же понятіе глагола, но разнообразящихъ приложеніе окончаніями своими; наречія отъ сихъ прилагательныхъ; существительныя отъ нихъ, означающія свойство, состояніе по нимъ; еще имена, выражающія не дѣйствіе, а предметъ, какъ слѣдствіе дѣйствія, и самого дѣятеля, лицо; еще прилагательныя, отъ этихъ именъ, и наконецъ, иногда, еще глаголь, съ какимъ либо особымъ отгѣнкомъ отъ значенія глагола начальнаго, чѣмъ и поворачивается весь кругоборотъ словъ одной семьи.

Здѣсь означены только главные члены цѣлаго поколѣнія, а въ иной семьѣ попадаетъ еще много промежуточныхъ, какъ видно изъ любой статьи нашего словаря. Сюда относятся имена втораго колѣна, на *акъ*, *ецъ*, *ишь*, *рокъ*, *анка*, *инка*, также наречія (кромѣ произведенныхъ отъ прилагательныхъ) двухъ видовъ: своеобраз-

разныя (*торчмя*) и творительнымъ падежемъ (*торчкомъ*) и пр.; и затѣмъ, наконецъ, слова сложныя, составныя. Замѣчательна легкая подвижность этихъ построений и жизненная связь ихъ со смысломъ. Гдѣ только позволяетъ смыслъ, тамъ отъ глагола можетъ быть образовано требуемое слово, по неизмѣнному правилу; гдѣ такое образованіе противно духу языка или самому смыслу, тамъ языкъ нашъ упорно отъ сего отказывается, а будучи изнасилованъ, даетъ слова тяжелыя, противныя слуху и чувству, безъ всякой силы и значенія. Вотъ почему мы, заглушивъ въ себѣ природное, бессознательное чутье къ своему языку, лишаемся и силы и способности владѣть имъ и впадаемъ въ оскорбительныя для духа языка, мертвящія ошибки. Слово *мертвящія* напомнило мнѣ именно одинъ изъ такихъ примѣровъ: Думая не на своемъ языкѣ и передавая мысли свои въ переводѣ, мы невольно ищемъ словъ, подходящихъ складомъ къ реченіямъ иноязычнымъ; намъ, напримѣръ, понадобилось образовать изъ прилагательнаго *мертвый* имя, придавъ ему еще особый отгѣнокъ значенія, не умершаго, а окованнаго мертвящею силой, оцѣпенѣлаго; по примѣру: *спертость*, *черствость*, надо бы сказать *мертвость*; но мы на грѣхъ на этотъ примѣръ не попали, а взяли за образецъ: *бренность*, *откровенность*, и пустили въ ходъ слово *мертвенность*. Неправильное образованіе этого слова деретъ ухо, да сверхъ того, окончаніе *ость* почему-то противится требованію выразить состояніе обмершаго, а выражаетъ исконное состояніе; вотъ почему и *мертвость*, образованное правильно, не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣлу; для выраженія этого понятія, надо было бы взять слово инаго образованія и окончанія, и сказать: *мертвейзна*, и оно бы высказало ясно то, что было на умѣ писателя. Не сдѣлаются ли отношенія эти яснѣе, не усвоимъ ли мы себѣ легче утраченный нами духъ языка, при томъ гнѣздовомъ или семейномъ порядкѣ составленія словаря, какой читатели видятъ нынѣ передъ собою?

При расположеніи словъ гнѣздами, я обычно начинаю съ глагола, но иногда имя взяло въ гнѣздѣ своемъ такой перевѣсъ, что пущено впередъ. Есть много случаевъ, гдѣ глаголь устарѣлъ, или даже вовсе утраченъ, а производныя слова полнымъ чередомъ сохранились. Это впрочемъ все равно, законъ языка таковъ, что одно вовсе не можетъ быть безъ другаго, и не только глаголь или имя, но и все гнѣздо словъ, такъ сказать, появляется заразъ. Если есть глаголы: *ходить*, *сидѣть*, *лежать*, то есть и *ходъ*, *хождение*, и *сидка*, *сиденье*, и *лежка*, *лежанье* и пр. Поставлю ли я напередъ: *основывать*, *основать*, и уже затѣмъ: *основыванье*, *основанье*, *основъ*, *основа*, или начну съ *основъ*, все послѣ глагола должны слѣдовать имена, выражающія дѣйствіе его, а частію и предметъ, и выпустить здѣсь одно изъ нихъ, принятое за родоначальника семьи, неудобно, а оно должно бы повториться; затѣмъ слѣдуетъ и вся ватага прочихъ частей речи, какъ показано было выше. Въ одиночествѣ стоятъ только слова чужія или захожія, если они не усвоены и не передѣланы со всѣмъ потомствомъ своимъ на рускій ладъ, также иныя наречія, предложныя слова, да числительныя имена и частицы. Изъ тѣхъ и другихъ, впрочемъ, нерѣдко также образуются глаголы, рождающіе, по общему закону языка, цѣлый рядъ словъ производныхъ. Изъ *три* выходитъ *троить*, изъ гл. *троить*: *тросніе*, *тройной*, *тройка*, и пр.; изъ *ахъ* или *оахъ*, дѣлается *ахать*, *охать*, а затѣмъ: *аханье*, *ахальный*, *ахала*, *ахальщикъ* и пр. Эта семья или гнѣздо словъ полнѣе у предложныхъ глаголовъ, которые вообще выражаютъ понятіе точнѣе, опредѣлительнѣе, прикладнѣе, а потому и болѣе слышны въ речи.

Кажется, будущая грамматика наша должна будетъ пойти симъ путемъ, то есть, развить напередъ законы этого словопроизводства, разумно обнавъ духъ языка, а затѣмъ уже обратиться къ разсмотрѣнію каждой изъ частей речи. Въ дѣлѣ этомъ

такая жизненная связь, что брать для изученія и толковать отрывочно части стройнаго цѣлаго, не усвоивъ себѣ напередъ общаго взгляда, то же самое, что изучать строеніе тѣла и самую жизнь человѣка по раскинутымъ въ пространствѣ волокнамъ растерзанныхъ членовъ человѣческаго тупа. Какъ вѣрно схвачена была К. С. Аксаковымъ, при разсмотрѣніи имъ глаголовъ, эта жизненная, живая сила нашего языка! глаголы наши никакъ не поддаются мертвящему духу такой грамматики, которая хочетъ силою подчинить ихъ однимъ внѣшнимъ признакамъ; они требуютъ признанія въ нихъ силы самостоятельной, духовной, и покоряясь только ей, подчиняются разгаданнымъ внѣшнимъ признакамъ этой духовной силы, своего значенія и смысла. Такъ и самый человѣкъ никакъ не покорялся вещественному взгляду ученыхъ, отводившихъ ему мѣсто въ животной природѣ по зубамъ и ногтямъ, а сталъ послушно на свое мѣсто, когда положили въ основу бытія и различія его: разумъ, волю и безсмертную душу!

Итакъ, вотъ тотъ порядокъ, то устройство словаря, на которое составитель рѣшился: собрать по семьямъ или гнѣздамъ все очевидно сродственные слова, устранивъ однако же предложныя и тѣ производныя, въ которыхъ измѣняются начальныя буквы; это попытка на способъ средний, между *голословнымъ* и *корнесловнымъ* словарями. Въ азбучномъ порядкѣ, для отыскивающихъ извѣстное слово, есть указанія, гдѣ его искать, и кажется, съ небольшимъ соображеніемъ и навыкомъ, это никого не затруднить.

Причастія и дѣепричастія пропущены въ словарѣ, для сокращенія объема, какъ извѣстныя, по грамматикѣ, части глаголовъ; но въ сущности, *окруженный* и *округленный* конечно не ближе въ родствѣ съ глаголомъ своимъ, чѣмъ *округленіе* или *окруженный*; и если приг. *округляемый* также подразумѣвается въ глаголѣ *округлять*, то *округляемость*, какъ свойство, способность быть округляему, требуетъ въ словарѣ своего мѣста. Увеличительныя, умалительныя ипр. показаны иногда въ примѣрахъ, а краснымъ словомъ тогда только, когда за ними есть особое значеніе, или когда они обратились въ самостоятельныя слова, утративъ производный смыслъ, какъ ипр. *рука* и *ручка*, *клять* и *клятка* ипр.

Многіе глаголы пополнены видами и, кажется, приведены въ болѣе ясный, отчетливый порядокъ, а спутываемые доселѣ въ словаряхъ, по сходству въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, отдѣлены и объяснены, какъ напр. *выкатывать*, *выкатать* *бѣлье*; *выкатывать*, *выкатить* *бочку*; *выкачивать*, *выкачать* *воду*; *выкачивать*, *выкатить* *иривку*, *выкроить*, *вырѣзать*; вообще гл. *катать* и *качать*, *мышать* и *мысить* и другіе, особенно съ предлогами, смѣшивались, и потому значеніе ихъ объяснялось темно и запутанно. Показано также замѣчательное превращеніе глаголовъ, не измѣняющихъ при семъ ни одной буквы, а по одному только смыслу, изъ одного вида въ другой, напр. *Я споду не выхаживалъ за городъ*: это грамматики зовутъ видомъ многократнымъ; *я выхаживаю въ недѣлю весь городъ*; *ыхаживаю, въ разсмыслихъ, по рублю въ день*, это видъ неокончательный или неопредѣленный.

Предложные глаголы нельзя было, по корнесловному порядку, присоединять къ простымъ или кореннымъ: это бы слишкомъ затруднило отысканіе ихъ, да притомъ многіе изъ нихъ сами наплодили такое обильное потомство, что требуютъ отдѣльнаго мѣста; но при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всеми подходящими къ нему предлогами.

При словахъ, гдѣ казалось полезнымъ указать на происхожденіе или родство ихъ, хотя такіе родичи нерѣдко, въ силу азбучнаго порядка, разнесены другъ отъ друга, указаніе это сдѣлано въ скобкахъ, иногда въ видѣ намека и однимъ словомъ, а нерѣдко и съ вопросительнымъ знакомъ, какъ дѣло нерѣшенное. Но это не значитъ,

чтобы такое слово признавалось корнемъ, ни даже ближайшимъ сродникомъ объясняемаго слова, а оба они сведены только рядомъ, въ чаяніи однородства ихъ, и указаніемъ этимъ два разрозненныя гнѣзда связываются промежуточнымъ звеномъ. При семь составитель словаря старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ. Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слово природной связи и жизни. Корнесловъ Шимкевича вообще составленъ гораздо основательнѣе Рейфа и съ рускимъ чувствомъ, но у него почти голый списокъ корней, безъ показанія относимыхъ къ нему словъ, что нерѣдко ставитъ читателя въ недоумѣнье; такъ на примѣръ, я не могу узнать, къ какому корню относится онъ *бирка* и *бирюлька*: подходящаго корня нѣтъ, а подъ *братъ* показано одно только производное слово: *брелъ*. Корня *бас* у него нѣтъ вовсе; куда же онъ относитъ *басый*, *баской*, *баситъ*, *басловка* и пр., — это неизвѣстно.

Указанія на отечество чужихъ словъ у меня вообще неполны и поверхностны; не пускаясь глубоко въ корнесловіе своего, а тѣмъ менѣе чужихъ языковъ, составитель указываетъ только на ближайшій источникъ, на греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій языкъ, откуда слово перешло къ намъ, хотя бы оно и было испанскимъ, арабскимъ, еврейскимъ или санскритскимъ. Если бы пускался въ такіе розыски, то всѣ почти французскія слова должны бы называться латинскими, готскими, кельтическими, а болѣе половины чисто русскихъ словъ пришлось бы отнести къ санскритскимъ. Я также, въ реченіяхъ науки или ремесла, болшею частью не означалъ, съ какаго языка взято слово; морскія выраженія голандскія и англійскія, горныя — нѣмецкія, военныя — нѣмецкія и французскія, врачевныя — латинскія и греческія и пр. Думаю, что это всякому извѣстно и что подобныя указанія, въ такомъ словарѣ, какъ мой, не важны.

Грамматическія указанія въ словарѣ вообще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней грамматикѣ не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ построеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ.

При объясненіи и толкованіи слова вообще избѣгались сухія, бесплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно, вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполне точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя. Каждое изъ объяснительныхъ словъ найдется опять на своемъ мѣстѣ, и тамъ, въ свою очередь, объяснено подробнѣе. Набирая однослова эти, собиратель не призадумываясь включалъ туда же и такъ называемыя областныя выраженія, которыя, болшею частію, могутъ войти въ общій расхожій запасъ, какъ это объяснено было выше. Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что, зная языкъ свой въ крайне ограниченномъ объемѣ, въ предѣлахъ нынѣшней письменности, мы весьма часто считаемъ областными выраженія общія почти всей русской землѣ, потому что мы ихъ не знаемъ, и что они доселѣ были чужды письменному языку.

Въ числѣ примѣровъ, пословицы и поговорки, какъ коренныя рускія изреченія, занимаютъ первое мѣсто; ихъ болѣе 30 тысячъ, и онѣ напечатаны тою же искосяю,

толкованій. Объемъ этотъ еще яснѣе означился словомъ *живаго*, которое и указываетъ на желаніе захватить все то, что среди нынѣшняго великорускаго народа можно услышать или прочитать.

Такой объемъ, очевидно, включаетъ и выраженія мѣстныя, областныя, и чужія, принятые изъ другихъ языковъ; первыя принадлежатъ народу, выросли на рускомъ корнѣ, много способствуютъ уразумѣнію и обогащенію языка, и приложены на обсужденіе и выборъ читателя, въ коемъ предполагается, какъ уже было сказано, не школьникъ и не нѣмецъ, а любящій языкъ свой землякъ. О словахъ же иноземныхъ замѣчу, что если нынѣ и никакому словарнику не угоняться за приткими набирателями и усвоителями всѣхъ языковъ запада, то по крайности въ словарь семъ, съ намѣреньемъ, не были опускаемы чужесловы, по двумъ причинамъ: во первыхъ, словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ; онъ обязанъ собрать и дать все то, что есть, позволяя себѣ развѣ только указанія на неправильность, уклоненія и примѣры для замѣны дурнаго лучшимъ; вовторыхъ, долгъ его перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ, и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ. Отъ исключенія изъ словаря чужихъ словъ, ихъ въ обиходъ конечно не убудетъ; а помѣщеніе ихъ, съ удачнымъ переводомъ, могло бы иногда пробудить чувство, вкусъ и любовь къ чистотѣ языка.

Переводы эти многихъ соблазняютъ и вызываютъ на глумленье; признаемся, что на это пенять нельзя: гдѣ только, въ примѣненіи малоизвѣстнаго слова, видна натяжка, а тѣмъ болѣе во вновь образованномъ погрѣшность противъ духа языка, тамъ оно глядитъ рожномъ. Мы не советѣмъ еще отстали отъ ошибочныхъ убѣжденій шашковскихъ временъ, что чужія выраженія должны переводиться дословно и заключать въ переводѣ именно всѣ тѣ понятія, какія находимъ въ первыхъ; обычай этотъ крайне затрудняетъ присканіе равносильныхъ чужимъ русскимъ словъ; ухо, привычное къ *эмансипаціи, цивилизаціи, гуманности*, не находитъ этихъ знакомыхъ звуковъ ни въ одномъ рускомъ словѣ, и потому, какъ ни переводитъ ихъ, все многіе будутъ отвѣчать: нѣтъ, это не то. Но стѣбитъ только, принявъ, обусловить выраженіе, и оно будетъ именно то! Переводы буквальные, требующіе сварки двухъ-трехъ словъ, всегда почти бывають неудачны, потому что это противно духу нашего языка и что способъ этотъ даетъ слова неуклюжія, нерѣдко еще болѣе дикія, чѣмъ чужое слово, которое хотять имъ замѣнить; но коли народъ, не надрываясь умничаньемъ, безъ натуги, дастъ чему свою клпчку, вѣрно произведенную отъ одного, главнаго понятія, то, воля ваша, одна только причуда и утрата вкуса и чувства къ своему языку могутъ чуждаться такихъ словъ. Весьма трудно установить въ дѣлѣ семъ правую средину, не вдаваясь въ крайности: одни пытаются вводить слова не советѣмъ удачно выбранныя (нынѣ впрочемъ и это рѣдкость), другіе истрѣчаютъ ихъ разъ навсегда съ предубѣжденьемъ, весьма часто основаннымъ на отчужденіи отъ книжнаго языка. Но ради сего нельзя же, махнувъ рукой, покинуть дѣло; казалось бы, сознаванъ весь вредъ и все зло отъ наводненія и искаженія языка чужими реченіями, всякъ долженъ противиться этому по своимъ силамъ. Если предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то можетъ быть дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута. Замѣчу здѣсь однако же вторично, по поводу намска, которымъ старались заподозрѣть добросовѣтность собирателя, что въ переводахъ чужихъ словъ могутъ попадаться въ словарь изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемые на общій судъ, но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ, *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ*. Но даже и первыя, болѣею частію, не сочинены вновь, а они есть, но имъ можетъ